

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР В 7.30...

встреча по просьбе читателей

На вопросы читателей «Ленинградской правды» отвечает главный режиссер Академического Большого драматического театра имени М. Горького Г. А. ТОВСТОНОГОВ

Вводя рубрику «Встреча по просьбе читателей», мы отдавали себе отчет, какому рода вопрос в адрес Г. А. Товстоногова будет задан большинством авторов писем. Это, конечно, должен был быть традиционный вопрос о билетах, который ежедневно звучит на Фонтанке: уже несколько лет спектакли театра идут с неизменным аншлагом. Мы не ошиблись в своих предположениях. Писем с такого рода вопросом много, и ответ на него может быть интересен тоже многим, хотя зал вмещает всего 1.472 места, ни одним креслом больше.

С вопросом о «лишнем билежке» непосредственно связана такая интересная проблема, как передача спектаклей по телевидению. В самом деле, почему спектакль, на который годами не попасть, нельзя, наконец, показать по телевидению миллионам тех, кто так никогда и не достанет этот самый «лишний билетик». Неужели только заинтересованность в аншлаге, сугубо финансовые соображения руководят театром — ведь спектакли БДТ не так часто и не так скоро после премьеры приходят и телезрителям.

Несколько лет назад в газете «Советская культура» была опубликована статья Г. А. Товстоногова на эту тему. Называлась она «Билет в 110-й ряд...» и называлась так не случайно. Отвечая на вопросы наших читателей, Товстоногов обращается к этой статье:

— Телевидение, как и кино и театр, имеет свой образный язык. То, что этот язык во многом похож на язык театра и кино, не делает телевидение искусством второсортным. Соединение театра и кино, если они не механически сложены, дает совершенно новое, особое искусство, законы которого еще только складываются. Телевидение порой требует от нас, режиссеров, иного, чем в театре, распределения ролей. Искусство грима, отлично выручающее актера театра, на экране телевизора его губит. Телевидение, как и кино, требует возможно большего возрастного соответствия актера и роли. Поэтому многие талантливые актеры отличны на сцене театра и малопривлекательны на экранах телевизоров.

Довольно большие телевизионные камеры приходится размещать в зале не там, где нужно, а там, где можно. А это значит, что весь спектакль телезрители будут воспринимать глазами театрального зрителя, сидящего на самых неудобных местах — сбоку и далеко. Чтобы спектакль театра с экрана телевизора продолжал воздействовать на зрителя как произведение искусства, он прежде всего, как это ни парадоксально, должен перестать быть театральным спектаклем. Он должен стать телеспектаклем. То есть перейти в другой ряд, другой вид, жанр искусства, искусства, строящегося по иным, чем театральные спектакль, законам. Неведение, пренебрежение этими законами делает даже хороший спектакль плохим, беспомощным кинофильмом. Как правило, он немисливо длинен, фальшив и непонятен. Авторская мысль и режиссерское решение выглядят наивными и примитивными, актеры — неестественными, декорации — декорациями. Театр пользуется цветом как очень сильным выразительным средством. В спектакле МХАТа «Броненосец 14-69» В. Иванова алая рубашка Васки Офорка на фоне голубого неба и серо-коричневых армяков, зипунов и ширелей была счастливым открытием Станиславского. Алое пятно придавало всей сцене на колокольне, особый смысл и образную силу. На экране телевизора — а пока он еще не стал ведром цветных — красное будет выглядеть черным.

Вот на днях я смотрел по телевидению наш спектакль «Я, бабушка, Илько и Илларион». Это была обычная передача из студии. И я не узнал нашей постановки — так она проиграла. Татосов староват для роли подростка. Но возрастное несоответствие Татосова возмущается на сцене мастерством артиста и воспринимается по законам театральной условности. А на телевидении оно, так сказать, предстает в незащищенном виде и бросается в глаза. По телевидению не смотрелась декорация, не ощущалась атмосфера действия. Одним словом, не было нашего спектакля.

И тем не менее спектакли мы показывать должны. Вопрос заключается в том, как это делать. Показывать так, как это делается сейчас, нельзя. Это попросту художественная дискредитация постановки. Мне кажется, что пока есть один выход из этого положения — готовить специальные телеварианты постановок. Правда, работа эта очень трудоемкая. Телефильм «Лиса и виноград», снятый по спектаклю театра, был самостоятельным произведением, а не его кинокопией. Восемьмесячная работа над ним, видимо, увенчалась успехом (он был премияван на Международном фестивале телефильмов в Монако) и принесла театру не огорчение, а радость, потому что и для нас, и для зрителей это было вторым рождением спектакля.

По заказу Центрального телевидения мы сделали — и работа эта продолжалась три с половиной месяца! — телевизионный вариант спектакля «Правда! Ничего, кроме правды!» И надо сказать, что это совсем отличное от театрального про-

изведение — там будет не только действие, но и рассказ о зрительном зале, реакции зрителей.

Читатели часто знают больше, чем газета. Еще ни в одном издании не появилось сообщения о том, что в здании БДТ намечается открыть малый зал, а в своих письмах читатели уже просят Г. А. Товстоногова ответить, когда начнется туда продажа билетов. До продажи билетов еще далеко, но вопрос оказался тоже интересным.

— Мысль о такой малой сцене зрела у нас давно. Архитектурные особенности нашего дома вполне позволяют разрешить этот вопрос технически. Предполагается оборудовать маленький зал с партером на 120 мест. Сцена должна быть сконструирована так, чтобы партер мог размещаться то полукругом, то вокруг нее. Это помещение для малой сцены будет совершенно самостоятельным, с собственным входом для зрителей. Надо сказать, что эта идея вообще-то не нова, во время зарубежных поездок я видел такие «карманные театры».

Малая сцена позволит нам решить много сложных задач. Здесь можно ставить пьесы, которые не прозвучат на большой сцене по своему характеру, по своей специфике.

Это не будут плановые, ежедневные спектакли, и не только задачей расширения репертуара продиктована мысль о создании малой сцены. Мы выпускаем в год три-четыре спектакля, и мне очень трудно пробовать силы молодых режиссеров. А вот малая сцена даст эту возможность. Молодые режиссеры смогут проявить себя, показать. Более того, на этой сцене особенно будут видны все их достоинства и недостатки. И молодых актеров тоже. Мы берем много даровитых людей, и они часто засиживаются, не играя, остывают. Малая же сцена разрешит держать их все время в движении, в творческих поисках.

Есть и мастера, которые не успеют за свою жизнь сыграть то, о чем они мечтают. Вот, например, Лебедев прекрасно сыграл на телевидении роль Поприщина в «Записках сумасшедшего». Работу над этим произведением он мог бы продолжить на малой сцене, создав моноспектакль. На малой сцене мы могли бы удовлетворять запросы и актеров, и режиссеров.

Нам очень хотелось бы открыть эту малую сцену к ленинскому юбилею и показать такую хорошую пьесу, как «Защитник Ульянова». Но боюсь, не подвели бы нас строители.

— Георгий Александрович, читатели нашей газеты интересуют и более частные вопросы. Несколько лет назад в связи с переездом в Москву ушла Дороница. Сейчас в городе говорят о том, что она, может быть, снова придет в БДТ. Так ли это?

— Уход ведущей актрисы из театра и проблема ее возвращения — вопросы очень сложные. В каждом частном случае это могло бы явиться предметом отдельного разговора, отдельной статьи... Я должен признать, что в нашей труппе пока нет актрисы, которая заменила бы Дороницу.

— А будет ли в спектаклях вашего театра играть Смоктуновский? Ведь, по сути, его триумфальный путь в искусство начался именно здесь, на сцене Большого драматического. И можно сказать, что сначала он родился как актер театральный...

— Это тоже сложный вопрос, хотя речь идет о другом человеческом характере, о другой судьбе...

Не знаю, будет ли играть на нашей сцене Смоктуновский, такие вещи нельзя загадывать, слово «никогда» слишком страшное слово.

А ушел он из театра тогда, когда надо было сделать выбор — театр или кино. Большинство артистов, испытывавших театральный успех, выбирают в этом случае театр. Даже Черкасов, великая звезда советского кино, никогда не ушел из театра.

В СЛЕДУЮЩИХ зарочных встречах с читателями «Ленинградской правды» выступит начальник отдела городского транспорта и дорог Главного архитектурно-планировочного управления Исполкома Ленгорсовета Алексей Павлович ЖУКОВСКИЙ и главный художник Ленинграда Василий Александрович ПЕТРОВ. Какие вопросы хотели бы вы им задать?

С кем еще вы хотели бы встретиться на страницах нашей газеты? Ждем писем.

Смоктуновский решил иначе. Это его человеческое право.

Я и сейчас разделяю общее восхищение его Мышкиным и считаю это выдающимся достижением талантливого артиста. И наши артисты, и я испытали творческую радость от совместной работы со Смоктуновским. Мы общаемся и сейчас, считаем его своим единомышленником, навсегда связанным с БДТ.

— Тогда еще один вопрос: считаете ли вы, что актеры театра вообще не должны сниматься в кино?

— Я так не считаю. В нашей труппе многие снимаются довольно часто: Лавров, Копелян, Юрский и другие. Тогда, когда кино не просто эксплуатирует данные актера, его мастерство, а ставит перед ним новые интересные задачи, актерская палитра обогащается. Но растить дарование в кино трудно — актер попадает к разным режиссерам, на разные студии, и чаще всего от него ждут повторения уже удачно найденного ранее.

— А как вы сами относитесь к кинематографу? Наши читатели высказывают пожелание увидеть вашу постановку и на киноэкране.

— Театр не дает мне возможности работать в кино. А вообще есть у меня давнишний мечта, выношенный замысел, есть даже разработанный сценарий. Это — «Униженные и оскорбленные» Достоевского. Но, чтобы осуществить этот замысел, надо уйти из театра на полтора года. Это я считаю для себя невозможным.

— Но вам все-таки удастся осуществлять постановки еще и в других ленинградских театрах? В письмах, полученных редакцией, есть вопросы: какие еще спектакли, кроме «Людей и мышей» и «Вестсайдской истории», собираетесь вы осуществить на сцене театров имени В. Ф. Комиссаржевской и имени Ленинского комсомола?

— Так ставить вопрос нельзя. Оба эти спектакля родились на учебной сцене Театрального института, в процессе обучения будущих режиссеров. Я, как педагог, руководил их работами. Потом было решено перенести эти спектакли на профессиональную сцену. Это не делается механически. Естественно, требовалась дополнительная работа над ними. Вводились новые исполнители. Прошло время. А в искусство, как известно, не бывает «сегодня, как вчера, а завтра, как сегодня». Искусство — всегда процесс, всегда поиск, всегда движение. Я считал себя обязанным помочь своим ученикам продолжить работу над этими спектаклями. Потому что, как известно, формирование молодого актера не завершается актом вручения диплома. Окончанием театрального вуза не оканчивается, а, по существу, лишь начинается процесс формирования художника. Институт — преддверие творчества. Он только готовит молодых режиссеров и актеров к овладению профессией. И, попадая в театр, молодой художник сразу ощущает огромную разницу между обстановкой студенческих занятий и реальной практикой повседневного театрального бытия. Помощь старших товарищей в эту пору ему еще очень необходима. И если вы обратили внимание, то мое имя на афишах значится только как художественного руководителя этих спектаклей.

Специальная же постановка произведений на других театральных сценах сейчас не входит в мои творческие планы.

— А каковы ваши творческие планы?

— Планы БДТ на этот сезон складываются так. В начале декабря в Москве начинается фестиваль спектаклей польских драматургов. Мы подготовили к нему пьесу Шаявского «Два театра», ее ставит польский режиссер Аксер. Несколько лет назад он ставил у нас «Карьеру Артура Уи».

В спектакле заняты почти все наши ведущие актеры — Попова, Макарова, Юрский, Лебедев и многие другие. О чем это произведение? Это размышления автора о связи искусства и жизни. О театре поэтическом и театре натуралистическом. О реализме и натурализме, о возможностях театра вообще. Это довольно сложное по форме произведение. Но, несомненно, интересное.

Затем мы покажем юбилейный спектакль «Беспокойная старость». А в конце года совсем необычная для нашего коллектива работа — мюзикл «Ханума». Это комедия известного грузинского драматурга А. Цагарели. Музыку к ней напишет современный композитор Г. Канчели.